

КОНСТАНТИН ДУШЕНОВ

РЕМЕСЛО ОКАЯННОЕ

Часть первая

Тюрьма есть ремесло окаянное.

Пётр I

Зона встретила меня неприветливо. Двое дюжих козлов¹ провели наш небольшой этап мимо сонного дэпмана², и после долгих блужданий по бесконечным, казалось, лестницам мы очутились в тесном подвальном коридоре с облупленными, ободранными стенами, скупо освещённом тусклой лампочкой. Ну, и...

Били козлы не сильно, больше по обязанности. Впрочем, оно и понятно: при приёмке этапа первоходов³ главная задача – не избить, а сломать, запугать, подавить волю к сопротивлению, чтобы в дальнейшем у администрации и активистов не было проблем с дисциплиной спецконтингента. Меня так и вовсе отвели в сторону, то ли из уважения к возрасту и длинной поповской бороде, то ли ещё по какой-то странной, им одним ведомой причине. К этому в тюрьме привыкаешь быстро: поток событий несёт тебя, беспомощного, по своим таинственным закоулкам, подчиняясь собственным законам, но понять, почему это с тобой происходит, невозможно...

Зона “Княжево”, куда я прибыл 24 июня 2010 года, была, строго говоря, не зоной, а колонией-поселением, но различие это существовало в основном на страницах уголовно-процессуального кодекса и в умах неадекватных правозащитников. В реальности – та же колючка по периметру, те же локалки⁴, разделяющие административную, жилую и промышленную зону. Правда, нет собак и сторожевых вышек, и КСП⁵ перед забором трогательно засажена капустными кочанами.

Потому-то, кстати, и принимали наш этап “без фанатизма”, и били не сильно: всё же посёлок, не строгач... А на иных строгих зонах, где этапы принимает тюремный спецназ “Тайфун”, всё всерьёз, всё по-взрослому. И ломают там эзков не шутя, не опасаясь за последствия и не делая никому никаких

¹ Козлы – эски, сотрудничающие с администрацией колонии, выполняющие обязанности добровольных надсмотрщиков.

² Дэпман – ДПНК, дежурный помощник начальника колонии.

³ Первоход – зэк, впервые осуждённый и в первый раз попавший на зону.

⁴ Локалки – заборы с колючей проволокой, разделяющие внутреннее пространство колонии.

⁵ КСП – контрольно-следовая полоса.

ДУШЕНОВ Константин Юрьевич родился в 1960 году в Ленинграде. Внук первого Командующего Северным флотом К. И. Душенова. Служил на атомных подводных лодках. После знакомства с творчеством русских мыслителей начала XX века уволился с флота и работал научным сотрудником Публичной библиотеки в Ленинграде. Близкий сподвижник митрополита Иоанна (Снычева). С 1997 года главный редактор газеты “Русь православная”. Неоднократно публиковался в “Нашем современнике”. В 2010 году осуждён по ст. 282 ч. 2. В конце 2012 года освобождён.

скидок. Впрочем, демократический ГУЛаг нашей необъятной Родины по-прежнему велик: где-то есть, наверно, и такие зоны, в которых этапы принимают мирно, не дуллят...

Слово *посёлок* не должно никого вводить в заблуждение. Никаких посёлков в обычном понимании этого слова в империи ФСИН, конечно, нет. В Борисовой Гриве под Питером, например, этот *посёлок* организован внутри периметра зоны особого режима, которую начали строить на базе заброшенного ракетного военгородка ещё в середине лихих 90-х. Начали, возвели пятиметровый бетонный забор, шесть рядов колючки, и... И оставшиеся деньги, подозреваю, украли. А чтобы добро не пропадало, несостоявшуюся особую зону быстренько переделали под *посёлок*. Хотя по бумагам – дивные дела Твои, Господи! – числился он не тем и не другим, а зоной общего режима – “Исправительной колонией № 8 Управления Федеральной службы исполнения наказаний РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области”.

* * *

Карантин в Княжево тоже нестрашный. Впрочем, смотря для кого. Всё зависит от того, как себя поставишь. И от денег, конечно. Если с воли тебя греют, то жить везде можно. Тому дашь, с этим договоришься... А вот если нет – дело худо. Тут вступают в полную силу суровые законы волчьей лагерной жизни. Что урвал, то твоё. И только то твоё, что ты урвал и от чужих жадных рук сохранил.

Мне, например, неожиданно помогла моя *экстремистская* репутация. Она, оказывается, опередила меня на зоне. Не прошло и дня, как *смотрящий* за карантином Рафис Нуреев – художавый крещёный татарин в интеллигентских очках – подошёл ко мне и сказал: “Тут мне *цинканули*¹ за тебя. Так что проблем не будет. Работать не будешь. Столоваться можешь с нами, если деньги есть”. Далеко не сразу я узнал, что *малява* за меня пришла издалека, из-под Архангельска, из колонии строгого режима, где, оказывается, нашлись авторитетные люди, смотревшие фильм “Россия с ножом в спине”, из-за которого я и попал в тюрьму. Может, поэтому меня и на *приёмке* этапа в сторонку отвели...

* * *

Рафис, который взял меня под опеку, не был настоящим *смотрящим*. Княжево – *красная зона*, а значит, *блаткомитета* там нет, и все стороны лагерной жизни подконтрольны администрации через её ставленников-активистов. Но Нуреев занимал в этой княжевской иерархии особое положение. Он контролировал финансовые потоки, которые втекали на зону через карантин.

Дело в том, что в Княжево ээки попадают двумя разными дорогами, но обе они сходятся в карантине, миновать который невозможно. Те, кто дождался приговора в СИЗО, и те, кто до этого отбывал срок в зонах общего и строгого режимов, прибывают обычным путём, в автозаке, через тюремные пересылки. Но раз в неделю, по четвергам, прибывают *вольные* этапы, состоящие из тех, кто до обвинительного судебного приговора ходил на воле *под подпиской*. Эти-то новоиспечённые ээки и становились в умелых руках Нуреева настоящей *золотым дном*.

Не имеющие никакого тюремного опыта, осуждённые, как правило, за малозначительные преступления, напуганные до полусмерти, они готовы были откупаться от грозящих им опасностей – реальных и мнимых – всеми имеющимися средствами. Они не были знакомы с криминальным миром, у большинства из них на воле оставались родственники, мамы и папы, которые, в свою очередь, готовы были платить, чтобы смягчить участь своего заблудшего чада. На этом и был построен расчёт Нуреева. Он внимательно просеивал своим опытным взглядом всех прибывающих, выделял среди них *кредитоспособных*, и разводил их на бабки, бойко торгуя тюремными привилегиями, хлебными должностями и тёплыми местечками. Всё это происходило,

* Цинкануть – сообщить, подать сигнал.

разумеется, с ведома и при поддержке администрации, имевшей в этом гешефте свой большой жирный кусок.

Масштабов его деятельности до конца, я думаю, не знал никто. Мне он однажды в порыве откровенности бросил: “Костя, здесь же миллионы гуляют!” Не берусь судить о количестве этих миллионов, но летом 2010-го, по моим наблюдениям, через княжевский карантин прокачивалось как минимум по 200–300 тысяч рублей в месяц. Дело облегчалось тем, что в отличие от всех других зон эзки, приговорённые к отбыванию наказания в колонии-поселении, имеют право пользоваться наличными деньгами. Для тех, кто платил, это было настоящей лотереей: некоторые действительно облегчали себе жизнь, а кто-то оказывался в жестоком пролёте. Я знал одного эзку, заплатившего 50 000 за то, чтобы *сидеть без проблем*, и несмотря на это через две недели поставленного на этап...

* * *

Впрочем, в глазах княжевского большинства такая система, при всех её издержках, все-таки давала нужный эффект. Во всяком случае, она давала надежду, а это уже немало. Особенно если учесть, что жизнь человека в тюрьме вообще мало чего стоит. Я пробыл в Княжево, где режим содержания далеко не самый строгий, чуть больше семи месяцев, и только за это время оттуда вывезли три трупа.

Один из этих несчастных умер от жары – его *козлы* в наказание за какую-то провинность заставили по стойке *смирно* стоять на плацу на самом солнцепёке. А лето 2010-го года было страшным, температура в тени доходила до 38 градусов. Да и одёжка, так называемый *положняк*, состоящий из чёрного *клифта* – казённой куртки – и грубых штанов, сшитых из плотной ткани, создавала эффект парника. Ну, сердечко у бедолаги и не выдержало...

Второй помер, думаю... от страха. Невысокий, седой, с интеллигентным лицом и длинными волосами. Только что с *вольного* этапа. Судя по всему, его ужасно напугали, когда принимали этап. Он шёл с пустыми, безумными глазами, безуспешно пытаясь удержать подмышкой скатку с тощим матрацем. Прошёл буквально в метре от меня. Помню, я ему крикнул: “*На плечо возьми, легче будет!*” – но он не услышал. Дошёл до забора, отделявшего барак карантина от остальной территории, и упал. Тоже сердце не выдержало...

Зато третий *жмурик* был вполне традиционный. Зэк-наркоман повесился в камере штрафного изолятора. К этим трём можно добавить ещё одно *тяжкое телесное*: на сельхозработках пьяные *козлы* избili молодого парня. Спасти его удалось, но пришлось удалять селезёнку...

Вообще кровь и смерть на зоне – дело обычное. И связано это вовсе не с особой кровожадностью *спецконтингента*. То есть и этот фактор, конечно, имеет место быть: сидят в тюрьме, по большей части, люди решительные и не склонные к сантиментам. Но главное всё же не это. Главное то, что на зоне рычагов влияния на человека, как ни странно, не так уж много. Это на воле мы укутаны, как в плотный кокон, в сложную и многомерную социальную среду, связаны с ней тысячами невидимых нитей, дёргая за которые можно добиваться от нас нужной реакции.

Жена, сослуживцы, друзья – каждый из них по-своему добивается от нас желаемого результата. На работе, например, начальник может прилюдно отругать нас, понизить в должности, послать в отпуск зимой и т. д. На зоне ничего этого нет, у эзку оборваны все привычные социальные связи. Там есть два главных способа влияния: слово и, – сразу, без каких-либо переходных ступеней, – насилие. Поэтому, кстати, бывалые эзки стремятся как можно дольше *перетирать* спорный вопрос, стараясь решить его на словах. Так как слишком хорошо знают: там, где кончаются слова, начинает литься кровь...

* * *

Но всё это вовсе не исключает обычных человеческих проявлений, которые выглядят иногда весьма странно на мрачном фоне тюремной жизни. Так, например, в княжевском карантине я повстречался с большим любителем ис-

торического чтения Сашей Рокотовым. Было ему от роду 32 года, из которых 14 лет он провёл за решёткой. Первую свою ходку оттянул ещё по малолетке. “Лет до 28, – говорил он мне, – я вообще разницы между волей и тюрьмой не чувствовал. Мне и там, и там было удобно. А вот теперь... Дочка у меня растёт маленькая. Хочу к ней...”

При этом, услышав как-то вполуха, что я имел отношение к историческим исследованиям, он вцепился в меня с вопросами и спорами, демонстрируя поразительно ясные исторические познания. Видя моё удивление, сказал: “Люблю я это дело. Я когда в СИЗО заезжаю, первым делом в тюремной библиотеке все исторические книги читать беру”. Кончилось это тем, что специально для него я попросил жену прислать с воли книгу митрополита Иоанна “Самодержавие Духа” как самый полный и ясный взгляд на русскую историю с православной точки зрения. Он долго не возвращал её. Я уж было подумал: всё, пропала книга. Но потом он всё же вернул её мне, признавшись: “Тяжело было читать. Непривычно. Но интересно...”

* * *

Одной из самых распространённых форм воспитательного влияния на зэков является так называемая *постановка на профилактический учёт*. Смысл этой иезуитской процедуры таков: создание неугодным осуждённым дополнительных сложностей и ограничений режима содержания. Причём, поскольку это мероприятие является *профилактическим*, то оно может применяться, как явствует из названия, для профилактики нарушений, то есть по отношению к зэку, который пока ещё ничего предосудительного не совершил, но, по мнению, администрации, может совершить в будущем...

Такого неблагонадёжного зэка вызывают на заседание специальной комиссии. И на этой комиссии опер, или начальник отряда, или любой другой представитель администрации торжественно провозглашает, что-де *по оперативным данным* есть основания полагать, что осуждённый имярек склонен к... Дальше следует широкий набор тюремных трафаретов: к побегу, к посягательствам на половую неприкосновенность, к провоцированию массовых инцидентов, к употреблению наркотиков... Комиссия, естественно, голосует за то, чтобы поставить неблагонадёжного осуждённого имярек на профилактический учёт. И с этого момента горемыку ждёт множество дополнительных сложностей в его и без того нелёгкой лагерной жизни.

Если ты *склонен к побегу*, то каждый час, за исключением ночного сна, ты должен отмечаться у оперативного дежурного: “Вот, мол, я. Никуда не сбежал”. Учитывая время на дорогу до дежурки и обратно, в промежутке остаётся минут сорок, в течение которых тебя ещё норовят загрузить какой-нибудь *общественно полезной* деятельностью. Шконки всех *профучётников* должны стоять непосредственно у входа в барак, чтобы ночью проверяющий первым делом видел, на месте ли они. А значит, самые удобные места – в углу, подальше от сквозняков и любопытных взглядов – им недоступны.

На бирке у каждого из них появляется специальная опознавательная полоса: у *склонных к наркомании* – зелёная, у *побегушников* – красная. Все они, независимо от того, к чему *склонны*, обременяются дополнительными ежедневными построениями. В Княжево, например, такие построения ежедневно проводятся по восемь раз: в восемь утра, в десять, в двенадцать, в тринадцать сорок пять, в шестнадцать, восемнадцать, двадцать и двадцать один тридцать. Плюс особое внимание оперов, плюс невозможность уйти по УДО, плюс множество иных тюремных мелочей, по отдельности, быть может, и не очень обременительных, но в целом создающих весьма тягостную и давящую атмосферу...

Меня на *профучёт* поставили сразу же, как только я вышел из карантина. Правда, учитывая редкую *экстремистскую* статью, долго думали, к чему же я *склонен*, в какую графу журнала неблагонадёжных меня надо внести. Начальник моего отряда, майор Дроздецкий, был в это время в отпуске. А когда вернулся, вызвал меня к себе в кабинет, внимательно оглядел с ног до головы, выдержал эффектную “мхатовскую” паузу и мрачно спросил: “Ты что, Душенов, и впрямь такой опасный, как мне сказали?”

Впрочем, впоследствии у нас с ним установились вполне приличные, уважительные, в чём-то даже доверительные отношения. Узнав, что я 10 лет про-

служил на флоте, а последняя моя должность в плавсоставе была майорская (по-флотски – капитана третьего ранга), он бодро резюмировал: “Ну вот: ты майор, и я майор. Договоримся”. Я не стал его разочаровывать, скрыл, что до каптри так и не дослужился. . .

Дроздецкий был человек не без юмора. Решая, к каким профучётникам меня приписать, он рассудил так: “Я смотрел твоё дело. Твой приговор ведь как-то связан со средствами массовой информации, верно? Так вот: ты будешь у нас склонным к массовым инцидентам. Хоть одно слово общее будет. А иначе некуда тебя вписать. Не к наркоманам же!”

Впрочем, тут возникла новая сложность: какого цвета полосу присвоить мне на бирку? Ни красная, ни зелёная вроде не годятся. . . За это важное мероприятие отвечал специальный офицер из отдела безопасности, и я ему предложил: “Гражданин начальник, вы мне золотую полосу присвойте. И красиво, и отражает особую социальную опасность совершённого мною преступления, как в приговоре сказано. . .”

В результате я остался вовсе без полосы, хотя позже, в Борисовой Гриве, тамошнее начальство, творчески развивая тему, добавило в мой послужной список и склонность к побегу, и склонность к экстремизму, и даже склонность к дезорганизации нормальной деятельности учреждения. . .

Часть вторая

Тюремная жизнь нелегка. В больничке, где я пишу эти строки, конечно, полегче. А на зоне – не сахар. Я ведь три с половиной месяца в штрафном изоляторе отсидел. Теперь вот оформляю инвалидность. Когда меня избил спецназовцы, то тюремное начальство три с половиной месяца продержало в камере, пытаюсь навесить попытку побега. И мой героический начальник майор Корепин навтыкал мне целых 13 взысканий. Такой, дескать, я трижды злостник. В уголовно-исполнительном кодексе прописана такая юридическая формула: “злостный нарушитель установленного порядка”. В дежурке висят портреты особо отличившихся – так дежурка моими портретами была просто обклеена. Под одним было написано: “Склонен к побегу”, под другим: “Склонен к дезорганизации нормальной деятельности учреждения”, под третьим: “Склонен к экстремизму”. То есть я превратился у них в Гудвина, великого и ужасного.

Но, как говорится, нет худа без добра. Зона так устроена, что если начальство тебя гнобит, а ты при этом не гнёшься, то у тебя автоматически растёт авторитет. И когда он достигает определённого уровня, начальству уже трудно иметь с тобой дело. Так что, в конце концов, они оказались заинтересованы в том, чтобы меня выпихнуть. Это видно по тому, что сначала мой начальник вынес мне 13 взысканий, а потом сам же их одним махом снял как наложенные с грубыми нарушениями установленных правил. И это при том, что я своей вины так и не признал, и даже заявления на УДО не писал.

Но забавно то, что прокуратура с Корепиным не согласилась. Сказала: “Нет, дорогой, ты всё правильно сделал”, – и насмерть встала грудью, чтобы закрепить экстремиста Душенова на зоне и не дать УФСИНу выпихнуть меня на волю по УДО.

* * *

Сперва суд, который должен был вынести решение о возможности моего условно-досрочного освобождения, назначили на 10 июля. Потом его перенесли на 1 августа. Потом – на 5 сентября. . . А мне, по большому счёту, это было уже не очень интересно. Я три четверти срока отмотал, в случае чего как-нибудь досидел бы и оставшийся кусок. Не сахарный, не растаял бы. В тюрьме ведь тоже жить можно. Кормят сейчас сносно – нормальная солдатская пайка. Народ, правда, морщится: не нравится кому-то сечка и так далее, но я не в претензии. Я десять лет в советской казарме прожил с личным составом, так что мне было легко к такой пище приспособиться.

Чтобы сломать человека, не нужно никаких испанских сапог, не нужно лить в глотку расплавленное олово. Есть два универсальных воспитателя, ко-

торые позволяют добиваться от людей практически всего, чего угодно, — это Голод и Холод. Я лично знаю человека, который на зоне под Томском заработал туберкулёз и в связи с этим был отправлен на лечение в тюремную больницу, где в приёмном покое его взвесили, и потянул он на... 46 килограммов! Взрослый мужчина... Так-то вот. И если в штрафном изоляторе на полу ночью ледяная корка намерзает, то это, скажем мягко, создаёт достаточный дискомфорт и оказывает — таки на ээка определённое давление.

Простаки говорят: но это же, по сути дела, пытки! А как же права человека?

Дело не в названии, а в эффективности метода. Хотя иногда всё-таки случаются осечки. Вот, например, я на зоне познакомился с одним замечательным ээком, с которым мы вместе в карцере сидели. Михаил Кречин его зовут. Это такой гоголевский персонаж, из “Тараса Бульбы”. Настоящий казак. Человек, чья энергия в условиях нашего мира не находит должного применения и перехлёстывает через край. Ему бы за зипунами на Туретчину, да погулять от души. Незаменимый был бы человек...

Он родился в Киргизии, рос там, как он говорит, “с басмачами”. Потом они с дружками организовали летучий отряд, ходили по горам, бомбили наркотрафик. Там через киргизские перевалы идёт часть афганского героина. Гашиш тоже возят, ханку. Ну, они этих наркокурьеров отлавливали и потрошили... С боем, конечно. Потом он по Руси гастролировал, у него целый букет статей разных, но всё это связано не с каким-то непременным желанием сладко есть, мягко спать и при этом ничего не делать, не работать, а с тем, что его кипучая, бурная энергия не находит себе применения.

При этом он искренне верующий, православный человек. Причём вера его не богословская, не школярская, а такая, знаете ли, нутряная. И за веру свою он готов страдать! Я его спросил как-то: “Миша, откуда у тебя шрам на шее?” А он говорит: “Да это под Томском меня опера принимали после очередного скока, и перед тем как в СИЗО упаковать, говорят: “Снимай крест!” Я: “Не буду крест снимать!” — “Снимай крест!” — “Не буду снимать!..” А у меня крест был на шнурке из кожаного солдатского ремня, нипочем не порвёшь. Ну, они меня и повесили за этот крест на крюк. В стене крюк был...”

Спрашиваю: “Ну, и что, долго ты висел?” Он говорит: “Не знаю. Я повисел, повисел, потом сознание потерял. Очнулся уже в камере, без креста...”

Бывалые ээки говорят, что сидеть сейчас даже тяжелее, чем раньше, в СССР. Особенно на красных зонах. Раньше их называли сучьими. Это зоны, где администрация контролирует все аспекты внутренней жизни спецконтингента с помощью так называемых активистов, или козлов, которые за послабление режима готовы на любую подлость... Если в советское время на зону в 1000–1500 человек был один кум, то есть оперативный уполномоченный, то сейчас на таких зонах работает целый отдел. И оперов может быть уже 5–10 человек...

Думаю, это связано с тем, что в девяностые на волне повальной приватизации всего и вся зоны тоже были приватизированы и стали рассматриваться администрацией как источник личного дохода — иногда законного, иногда — нет. В качестве дешёвой рабочей силы на этих частных предприятиях выступают ээки, а в качестве надсмотрщиков — опера.

А главное — качество самих людей сильно изменилось. Сейчас процентов 80 ээков — это наркоманы. Отсюда эрозия понятий и отношений. Наркомания, как ржа, разъедает людей. Поэтому внутреннее состояние зон сейчас тяжёлое, и сидеть нелегко, конечно. Кроме того, у ФСИН появилось специальное орудие подавления — тюремный спецназ “Тайфун”. Это такая зондеркоманда, в которой всё заточено специально под задачу ломать на зоне блатных авторитетов (так называемых черноходов) и вообще всех недовольных.

* * *

Тайфуновцы меня избивали в прошлом году. Полученные повреждения позволяют мне оформить инвалидность, но, естественно, представителям правоохранительных органов очень не хочется, чтобы эта инвалидность была зафиксирована документально. Человек пришёл здоровым, а уходить будет инвалидом — как-то это совсем не *comme il faut*. Поэтому возникают всяческие

препятствия бюрократического характера на пути к тому, чтобы оформить инвалидность юридически. Нужна трудовая книжка, целый ряд документов, которые я, находясь в заключении, могу получить только через своё тюремное начальство. В результате эта волокита тянется уже несколько месяцев, и конца-края ей не видать.

И за что избил-то... По большому счёту, поводом стало то, что, отбывая срок по 282-й статье – “За разжигание межнациональной розни”, – я вступился за азербайджанца. Когда я заехал в карантин на Борисову Гриву, то увидел, что в первый же вечер активисты отволокли его в уголок, который не просматривается камерами, и начали мутузить. Он за них отказался пол мыть, ну, и понеслось... Я его у них отбил, и они не стали со мной связываться.

Вероятно, потому-то начальство и боится русских экстремистов. Всюду, куда я приезжал, перед этим собирали актив. Актив – это то, что раньше называлось суки или козлы. Их собирали, говорили, что едет такой-то, страшный экстремист. “Смотрите, чтоб, не дай Бог, никто с ним не общался”. Потом собирали зэков и тоже предупреждали, инструктировали.

Иногда очень смешно получалось. Меня в апреле 2011 года везли в Борисову Гриву через обуховскую пересылку. Я в пересылке этой сидел в одной камере с молодым парнишкой. Он только-только с малолетки откинулся. Сел по 161-й статье – за грабёж. Зовут Миха. Мы с ним сидели там по-дружески, я с ним чаем делился, разговаривали за жизнь. И вот я приезжаю в Борисову Гриву – и мне навстречу идёт этот Миха. Я ему говорю: “Миха, здравствуй!” Молчит. Я: “Миха!” Он остановился. “Здравствуй!” – говорю. А он вдруг повернулся – и бегом от меня. Оказывается, их всех собрали и сказали: “Скоро приедет страшный русский экстремист. Чтoб ни в коем случае никто с ним не общался! Смотрите: ни-ни-ни-ни-ни!”

Поэтому и козлы в карантине со мной связываться не стали. Но начальству, естественно, настучали. На следующий день в карантин пришли представители администрации, всех построили и начали у этого азербайджанца выяснять: “Кто тебя бил?” А обычно это выясняется таким аккуратненьким способом – тычут под рёбра: “А что произошло? Тебя так били? Или так? Кто видел, кто тебя били?” Я сказал, что я видел. В итоге, видимо, хозяину, то есть начальнику зоны, об этом доложили, и он решил, что такого наглого кадра нужно срочно поставить на место, иначе будет напряжённо. Таким образом, сидя по 282-й статье, я пострадал за дружбу народов.

Азер этот – Супхан Нагиев его зовут – потом сбежал. И его, по-моему, до сих пор не нашли. Я видел, когда меня на суд возили: висят его цветные фотографии и написано: “Сбежал особо опасный преступник”. Ну, смех и грех! Он на самом деле торговец. Он торговал корюшкой всю жизнь. И был у него один постоянный покупатель, с которым хорошие отношения наладились. Покупатель тот оказался милицейским генералом, ни больше, ни меньше. Так он как-то в порыве гуманизма свою визитку Супхану дал и говорит: “На, Супхан, если вдруг будут какие-то проблемы со стороны наших ментов, звони, и мы всё разурим”. Ну, Супхан эту визиточку взял и сохранил.

А через некоторое время пришли к нему злые менты и сказали: “Слушай, с тебя за торговое место 14 тысяч!” Он говорит: “Как так! Какие ещё 14 тысяч?” То есть он понимает, что, для того чтобы торговать, нужно взятку дать. Но взятку нужно давать один раз, а не два раза. “Как так? Мой брат уже платил вашему начальству!” Те говорят: “Не знаем про начальство ничего. Нам плати 14 тысяч, и всё”. – “Не дам!” Ну, они эту корюшку ему на асфальт вывалили, хватъ его и отвезли в отделение к себе. Подержали в отделении какое-то время, три-четыре часа, потом выгнали и сказали: “Ну вот, так будет каждый день, пока ты деньги не заплатишь!”

А Супхан взял визиточку, которую ему дал тот генерал, позвонил ему и рассказал всю историю. Генерал возмутился, говорит: “Не дам обижать азера, который меня корюшкой снабжает!” – и прислал в отделение милиции, где Супхана прессовали, каких-то проверяющих. Они приехали, а там менты все, естественно, пьяные. Ну, и получили по сусалам: кого уволили, кого перевели в другое место, кого понизили в должности... А Супхан продолжает героически торговать своей корюшкой, уверенный, что справедливость восстановится, что всё теперь хорошо будет, всё замечательно.

Проходит после этого... я уж не помню, он мне рассказывал... год, что ли... Он себе идёт спокойно, как честный гражданин идёт, и около станции

метро встречает наряд ментовский. А в этом наряде как раз те самые мусора, которые из-за него пострадали. Они ему и говорят: “О-о-о, дорогой! Да ты ведь только что украл кошелёк!” Хватъ его под микитки и, как Жеглов Кирпичу, суют, недолго думая, кошелёк в карман! И всё – 158-я, часть вторая: “Кража с отягчающими”! И получает Супхан два года. Приезжает сперва в Кресты, а потом в Борисову Гриву, где мы, собственно, с ним и встретились...

* * *

У меня с нацменами, как правило, складывались ровные отношения. Я им всегда говорил в глаза: “Ребята, вы все прозрачные. Если у русского человека ещё есть какая-то загадка в душе, то есть непонятно, что он будет делать в той или иной ситуации, то с вами всё предельно просто. Вы заезжаете на зону и первым делом начинаете жалом водить: где сила, у кого власть? Если она в левом углу – значит, вы будете в левом углу кучковаться, если сила в правом – значит, в правом. Если зона красная – значит, вы будете с ментами дружить, если зона чёрная – значит, будете под блатными ходить”. Это, конечно, грубовато, но смысл именно такой.

Жители Кавказа и Средней Азии, на мой взгляд, не слишком озабочены нравственной проблематикой: а правильно ли я поступил, а честно ли это, по совести ли это? Им свойственна прагматичность: “Где сегодня сила? Где выгода?.. Значит, я буду там”.

Морщатся, конечно, когда им об этом напоминаешь, но поскольку я это говорю, не желая обидеть или оскорбить, а просто констатируя факты, да и сами они понимают, что я прав... морщатся-морщатся, но уважают... Вообще говоря, эки на зонах прекрасно национальную проблематику понимают. И никакой толерантности там не существует. Это просто неправильно, не по понятиям. Там если ты еврей – то еврей, если цыган – то цыган, если ты русский – то русский, если азербайджанец – то азербайджанец. Все прекрасно понимают, что твоя национальность является важнейшей характеристикой твоей жизни, важнейшей характеристикой твоего положения.

Например, по понятиям цыган или нохч (то есть чечен, ингуш) не может быть вором. Просто по национальной принадлежности. Если ты чечен, то, как бы ты ни был авторитетен, как бы ни был уважаем, какие бы за тобой героические деяния в твоей области ни числились, вором тебе не быть. Шапку не получишь. Короновать тебя не будут. Почему так?

Криминальная жизнь достаточно напряжённая и требует серьёзных волевых качеств, серьёзных организаторских способностей от тех людей, которые по этому пути идут. А опыт свидетельствует, что, скажем, чеченец... он может быть весьма достойным человеком во всех отношениях, но никогда не сможет беспристрастно рассудить, если в ситуации окажется замешан его соплеменник или родственник. Это невозможно. А настоящий вор должен быть беспристрастен. Впрочем, классические воровские понятия сейчас сильно размыты...

* * *

Когда я сидел в Княжеве, я оказался в няньках у настоящего курда. Его звали Джалали Сабах Али. И он сидел за незаконное пересечение российской границы. Сперва никто и не знал, что он курд. А потом он перестал выходить на построения. спрашивают: чего не выходит? А он, оказывается, лежит – пять дней не ел. Начинают разбираться – почему не ел? Выясняется: был один-единственный человек, который мог с ним общаться, узбек. На фарси они с ним разговаривали. Но поскольку узбек – мусульманин, а Джалали Сабах Али – зороастриец, огнепоклонник, то они на религиозной почве разошлись. В богословской тематике, так сказать, не сошлись во мнениях и перестали друг с другом разговаривать. И не осталось никого, кто мог с этим курдом общаться.

Его пытаются спросить: что такое, почему ты лежишь, не встаёшь, почему не ешь? Но как спросить, непонятно. Выгнали его на построение. На ули-

це минус двадцать, а он без ватника. Я случайно рядом оказался и по-английски его спросил, думал, может быть, поймёт? И оказалось, что он достаточно хорошо знает английский. В результате меня начальство местное на зоне попросило за этим курдом приглядывать, чтобы с ним ничего не случилось. Они скандала боялись. Сам этот курд из Ирака. Но не из Северного Ирака, где в основном курды живут, а из Южного. Там где-то в районе Басры есть курдские общины. И он лет двадцать назад оттуда в результате какой-то местной резни бежал в Иран. Потом и там началась какая-то межплеменная война, и из Ирана он уже по программе ООН для беженцев попал в Индонезию. Из Индонезии, опять же по программе ООН, его переместили почему-то... в Норвегию. Потом он жил в Швеции, в Финляндии и, в конце концов, решил: что я, собственно говоря, мотаюсь по всему миру, вернусь-ка я на родину... А как можно из Швеции вернуться в Ирак кратчайшим путем? Через Россию, конечно! Вот он и пошёл.

Его в Выборге арестовали за незаконное пересечение границы и посадили. Он довольно долго даже не верил, что он в России. Говорил мне: *“Я знаю, арестовали меня в России, в Выборге. Но потом вывезли. Это не Россия”*. Спрашиваю: *“Почему же не Россия-то?”* — *“А я, — говорит, — посчитал: вот здесь солнце восходит, здесь заходит, то-сё, широта, склонение...”* Долго мне его пришлось убеждать, что он в российской тюрьме сидит...

Так вот, у него при аресте было изъято довольно много ценностей: около двух тысяч долларов, двести швейцарских франков, фамильный серебряный перстень с рубином... А поскольку операция проводилась совместно финскими полицейскими и нашими ментами, нашим пришлось составить официальный протокол. Так бы они, естественно, все его деньги по карманам распищали, но при финнах постеснялись. И у Джалали Бабах Али на руках осталась копия протокола, что у него доблестной российской милицией изъято *“20 банкнот по 100 долларов, 200 швейцарских франков”* и всякие прочие вещи.

Встаёт вопрос: ему скоро освобождаться, надо всё возвращать, а где взять? В лучшем случае это всё там, в Выборге. Если вообще ещё цело. Ну, начальство меня попросило как-то урегулировать этот вопрос. И ведь урегулировали! Я с ним побеседовал и начальству объяснил, что если курду денег не вернут, он сразу после освобождения поедет в Питер, в норвежское консульство, и устроит там международный скандал. И, представьте себе, ценности нашлись! Правда, не сразу...

В общем, был я этому курду родной матерью, как Малыш Карлсону. Я оперу потом говорю: *“Гражданин начальник, оцените юмор ситуации: я сижу по второй части 282-й статьи. По второй! Разжигание, да еще с отягчающими. И вот я, как Малыш за Карлсоном, не щадя живота своего, хожу за курдом...”* А он мне: *“Всё-всё, не говори ничего больше. Понимаю. Да, смешно”*.

* * *

С еврейями я тоже на зоне интересный опыт получил. В Борисовой Гриве сидел со мной Марк Коростошевский. Его родители вывезли из Советского Союза, когда он был совсем маленьким, в Израиль. И он там, в Израиле, учился в ешиве хасидской, такой ортодоксальной иудейской школе. Правда, в результате обучения религиозный аспект жизни как-то просвистел совершенно мимо него. По-моему, я про иудаизм знал больше, чем он. Он служил в израильской армии, причём в боевых частях. Потом понял, что на исторической родине ему не очень комфортно, и вернулся в Россию. Здесь он женился, у него родился ребёнок, но гражданство российское восстановить не успел. И угодил в ДТП со смертельным исходом — сбил человека. Так и попал в тюрьму.

Мы с ним много беседовали. В тюрьме все скучены на одном пяточке, деваться некуда — разговоры длинные... Ну, где вы я ещё получил из первых рук информацию о том, как обучают в ешиве, как устроен быт израильского солдата? Причём я не скрывал, за что сижу, — он прекрасно это знал. Шутили по этому поводу. Я говорю: *“Марик, ты мне как старому и закоренелому антисемиту расскажи про это и про то...”* Я же должен повышать свой уровень, так сказать, квалификации...

В общем, вывод из своего общения с нацменами на зоне я сделал такой: если убрать давление антирусской власти, убрать эту бредовую толерант-

ность, то межнациональные отношения быстро гармонизируются, приходят в норму. Потому что если на них извне ничто не давит, то сама жизнь быстро всё расставляет по местам... Конечно, возможны конфликты, недоразумения, но они при желании легко решаются.

Бог даровал русскому человеку уникальную способность – чувствовать, понимать всех и со всеми поддерживать добрые отношения в рамках взаимного уважения. Но только это уважение обязательно должно быть взаимным! Необходимым условием такого уважения является признание того факта, что Россия – государство русского народа, что русский человек здесь главный. Не потому главный, что он большой начальник и на чёрной “Волге” ездит, а потому, что подвигами, слезами и кровью десятков поколений его славных предков была создана эта великая страна. Если признать этот очевидный и фундаментальный факт, тогда все межнациональные проблемы будут решаться сами собой.

А в современной России национальные проблемы не имеют решения. Ответом на антирусский беспредел становятся Кондопога и Манежка, когда русский ОМОН вынужден защищать нацменов от русской разъяренной толпы.

* * *

Закаляет ли тюрьма дух? Кого-то тюрьма закаляет, кого-то ломает. В целом тюрьма – это очень серьёзный опыт. Есть классический афоризм: “Каждый мужчина должен родить ребёнка, посадить дерево и построить дом”. Я бы сказал, что это программа-минимум. А для того чтобы познать полноту жизни, необходимы ещё два пункта: каждый мужчина должен повоевать и посидеть в тюрьме. У меня к пятидесяти годам из этих пяти пунктов было реализовано четыре. С домом, деревом и сыном у меня давно всё в порядке. Повоевать я успел в советские времена – ещё в 1983 году меня родное государство наградило медалью “За боевые заслуги”. Так что отсутствовал только один пункт – тюрьма. Теперь я эту графу успешно закрыл, и можно считать, что жизненная программа выполнена.

А если говорить серьёзно, то любая критическая ситуация проверяет человека на прочность. Если человек честен перед самим собой, перед Богом и людьми, если старается жить по совести, то тюрьма даёт ему драгоценнейший опыт, делает его искусным в преодолении скорбей и бед, в противостоянии жизненным сложностям.

Для верующего человека тюрьма – это благодатный опыт милосердия Божия, опыт небесной помощи, заступления и спасения. Потому что если не Господь Бог, то никто! Если Бог поможет, то ты и в тюрьме будешь жить. Если же ты без Бога в душе, то можешь и на золотых блюдах есть, а чувствовать себя, как в аду на сковородке.

Поэтому я бы свой тюремный опыт сформулировал так: русские люди, не бойтесь ничего! Не бойтесь вы этой наглой русофобской сволочи, не бойтесь их угроз, всех этих вражьих либеральных воплей, бесовских сценариев, наветов. Если с нами Бог, то кто против нас? Если мы не струсим, останемся верными Господу Богу, своему промыслительному долгу, не предадим свою веру, Родину, свой народ, то уж Господь Бог никогда не предаст и не отступит от нас.

На своей земле нам нечего бояться. Это наша страна, наше государство! Все эти заезжие господа владеют нами сегодня вовсе не потому, что они сильные, но потому, что мы слабые. Слабые духом, верой, волей к победе. Нам не хватает исконной русской жертвенности, самоотверженности, готовности идти на смерть за родные святыни. Мы сами даём нашим врагам возможность властвовать над нами своим эгоизмом, себялюбием, духовной ленью.

* * *

Иные меня представляли непримиримым борцом с режимом. Но я не был борцом с режимом. Я был и всегда буду борцом с врагами Господа нашего Иисуса Христа и моего родного русского народа. Это главное, а режим – де-

ло десятое... Тут важно помнить, что Российское государство – это дар Божий, который дан русскому народу для того, чтобы он мог достойно нести свое промыслительное мессианское служение. Государство это было создано на протяжении веков слезами, потом и кровью десятков поколений наших славных предков. Сегодня мы его потеряли и должны непременно вернуть. Вот и вся моя политическая премудрость.

Сейчас, на мой взгляд, наметились некоторые слабые признаки того, что можно что-то изменить. Во власти появились прагматики, чтобы не сказать – циники, и целый комплекс внутренних и внешних причин, который подталкивает их к изменениям.

Во-первых, им стало очевидно, что в рамках старого либерально-русофобского сценария страной уже просто невозможно управлять. В рамках этого стереотипа, который требует подавления всего патриотического, всего русского, всего неподконтрольного *креативной либеральной тусовке*, страной управлять сейчас нельзя – это путь в пропасть.

Внешний фактор, на мой взгляд, заключается в том, что давление на Россию извне постоянно растёт. Мир балансирует на грани большой войны – это уже очевидно для любого внимательного наблюдателя. Мы стоим накануне грандиозных глобальных катаклизмов. Возьмите любой регион, будь то Европа или Ближний Восток, он насквозь пропитан ненавистью межнациональных, межрелигиозных, социальных конфликтов и противоречий. Сегодня весь мир – большая пороховая бочка.

В этой ситуации любая российская власть, независимо от персоналий, которые сидят в Кремле, должна будет решить непростую задачу: как выжить? Приходится задуматься: в случае серьёзного конфликта, если Россия окажется в эпицентре большой войны, кто будет защищать страну? Это сможет сделать исключительно русский народ!

Поэтому, чем сложнее будет международная обстановка, тем большую важность для Кремля будет приобретать русский вопрос и тем больше будет аргументов в пользу того, чтобы изменить прежний антирусский курс и дать возможность русским хоть немного прийти в себя после безумного либерально-демократического погрома последних двадцати лет.

Но любое движение Кремля в этом направлении встречает ожесточённое сопротивление либерально-богоборческой русофобской части современной политической “элиты” внутри России. И политический класс, и информационная элита, и прослойка наших экономически наиболее успешных граждан вопиюще деформированы. Русский народ на собственной земле сегодня является народом угнетённым, второсортным.

Последние два десятилетия нами управляли откровенные русофобы с помощью двух рычагов: останкинской иглы и нефтяной трубы. Дальше это неперспективно. Народное недовольство зреет и начинает обретать новое качество, его уже невозможно сдерживать старыми методами. Если произойдёт переход Кремля на патриотические позиции – это будет означать полный провал попыток мирового закулисья взять под контроль развитие российской государственности.

Немало передумал я и о непримиримых *друзьях-патриотах*. Складывается впечатление, что *непримиримые* просто ничего другого не умеют, кроме как по поводу и без повода ругать любую власть – светскую ли, церковную. А спросите у таких *непримиримых*: что они сами-то сделали для русского национально-освободительного движения? Какие результаты своей суперпринципиальной деятельности они могут предъявить людям, кроме бесконечной ругани на *патриотических* форумах и язвительных комментариев к чужим статьям?

Когда прокуратура закрывала газету “Русь Православная”, когда спецназ с автоматами брал штурмом видеостудию “Поле Куликово”, когда я, избитый “Тайфуном”, валялся в карцере в одиночке, а моего 14-летнего сына со сломанным носом героические мусора пытались забрать у матери и упечь в детприёмник за *фашизм*, – где были эти *принципиальные* критики? Сидели по домам на мягких диванах и печатали на своих компах под липовыми *nick-name*’ами крутые националистические посты о “страдальце Душенове”!

Думаю, я имею право говорить о нынешнем режиме то, что считаю нужным. Как ругать его, так и хвалить. Я это право приобрёл на зоне, в штрафном изоляторе, а не на *патриотических* фуршетах и не в президиумах партий-

ных съездов. И за базар свой всегда *готов ответить*. Ситуация эта стара, как мир. Одни, защищая свои жизненные идеалы и религиозные святыни, проливают кровь, а другие — чернила. И те, которые проливают чернила, как правило, очень не любят тех, кто готов расписываться кровью. *Чернильные души* пытаются компенсировать недостаток мужества и воли показной непримиримостью, трескучим радикализмом политических лозунгов и хлопущками громких фраз.

Так всегда было. Бог им судья. Он, в отличие от человек, не на лица смотрит, а зрит в сердце.

Часть третья

Политические проблемы большую часть зэков интересуют мало. Но если уж рассматривать тюремный мир с политической точки зрения, то он весьма архаичен. Демократического энтузиазма и либерального мировоззрения там не сыщешь днём с огнём. Жизнь на зоне, с её *общаками* и *понятиями* тяготеет, скорее, к некоторой первобытной общинности, внутри которой сидельцы делятся по клановому принципу или, говоря языком тюремного жаргона, — *по мастям*. Тем не менее, политика властно вторгается в жизнь зоны извне через тысячи разнонаправленных, разномасштабных событий и связей, которые соединяют тюрьму с вольным миром в один общий политический организм.

В первый же день после того, как меня в Княжево из карантина *подняли* на отряд, один из зэков, внимательно всмотревшись в бирку, висевшую на моей шконке (там перечислены фамилия, год рождения, статья, срок и даты отсидки), спросил меня: “*Что у тебя за статья такая странная?*” А статья моя — пресловутая *русская 282-я статья*: “*За разжигание...*” — для большинства зэков незнакомая. Там больше в ходу 158-я, 159-я, 161-я, 162-я, 228-я, 111-я, 105-я и т. п., то есть кража, мошенничество, грабёж, разбой, наркотики, тяжкие телесные повреждения, убийство...

Чтобы долго не объяснять, говорю: “*Сижу за разжигание. Кино разжигательное снял. Документальное. Выступил там автором сценария и ведущим*”. Спрашивает: “*Что за кино?*”. “*Россия с ножом в спине*”, — отвечаю. И вдруг он мне: “*Да не ври ты! Я это кино видел. Нет там тебя*” А потом, присмотревшись: “*А-а-а! Точно! Только ты там с бородой до пупа был!*”. И так на всех четырёх зонах, в которых мне довелось побывать. В каждой из них находились сидельцы, видевшие фильм “*Россия с ножом в спине*”. Хотя, как легко догадаться, зэки — далеко не главные посетители интернета и зрители документально-публицистических трилогий.

Зэк этот, Женя Голубцов, который меня опознал без бороды, оказался фигурой очень колоритной. Бывший диверсант-морпех, успевший ещё в советские времена повоевать в Африке за идеалы пролетарского интернационализма. Потом, после крушения СССР — охранник-антикиллер, начальник службы безопасности у одного из крупных криминальных авторитетов. Свои навыки спецназа сохранил в неприкосновенности. На зоне ловил змей и жарил их на костре, угощая всех желающих. Говорят, вкусно: похоже на курятину... В этот раз сидел он за хранение оружия и “*насилие над представителем власти*”. Много мы с ним потом *перетёрли*, переговорили за *жиссь*, рассуждая о том, как странно, бывает, складывается у человека судьба...

* * *

Подавляющая часть зэков абсолютно убеждена в тотальной несправедливости нынешнего общественного устройства России. В безграничной коррумпированности “*демократического*” государства и поголовной продажности чиновников. Это убеждение существует на уровне подсознания, инстинкта, фундаментальной аксиомы лагерного мировоззрения. Но основано оно на мощном фактическом материале, на обширном и тяжёлом жизненном опыте многих поколений лагерных сидельцев.

Мне пришлось плотно общаться с нашим государством — в лице его правоохранительных органов — в течение восьми лет: с декабря 2004-го, когда

меня первый раз вызвали в питерскую прокуратуру для объявления предупреждения “о недопустимости экстремистской деятельности”, по ноябрь 2012-го, когда я вышел на волю, отсидев два с половиной года в исправительных учреждениях ФСИН, этой современной “демократической” копии старого бериневского ГУЛага. И я могу уверенно сказать, что в своём политическом нигилизме современные зэки по большей части совершенно правы.

В результате того погрома, который демократы учинили в России после распада СССР, наш государственный аппарат чудовищно деградировал даже по сравнению с далеко не безупречными советскими временами. Важнейшие структуры государственного управления, такие как суд, прокуратура, милиция, сегодня зачастую работают в совершенно автономном режиме, сами на себя, не будучи никак связаны с реальными общественными запросами, реальными народными нуждами, реальными результатами собственного труда. Необходимость как-то отвлечься от своих важных личных дел для решения вопросов, связанных с защитой прав какого-нибудь рядового гражданина современной демократической “россиянии”, вызывает у них откровенное раздражение и нескрываемую брезгливость. Они свято верят, что так и должно быть, что именно они хозяева жизни, что они самодостаточны и существуют сами для себя, а народишко вокруг – это такое досадное недоразумение, которое мешает им нормально жить в своё удовольствие, недоразумение, которое никак не удаётся устранить окончательно.

В Княжево вместе со мной сидел молодой парень лет двадцати семи. Звали его Денис Николаев. Сидел он старательно, с начальством дружил, никаких косяков за ним отродясь не числилось, зато числилось множество поощрений “за добросовестное отношение к труду”. Он делал всё для того, чтобы уйти по УДО, условно-досрочно. Отсидел положенную часть срока и тут же написал заявление в суд. Администрация это заявление поддержала, написав, что он “твёрдо встал на путь исправления”. А судья отказала ему. Почему? Постановление гласит: “В связи с тем, что осужденный Николаев не предоставил суду абсолютно неопровержимых доказательств своего исправления”. Я читал это постановление и думал: “Дорого бы я дал, чтобы какой-нибудь яйцеголовый правовед объяснил мне, дураку, юридическое содержание термина “абсолютно неопровержимое доказательство”...”

Да что далеко ходить! В моём собственном приговоре, где перечисление “доказательств”, основанных на показаниях свидетелей обвинения, занимает многие страницы, от показаний одиннадцати (!) свидетелей защиты судья Третьякова отделалась одной фразой: “Суд не доверяет показаниям свидетелей защиты, так как считает их единомышленниками обвиняемого”. Вот так! Это и есть, судя по всему, “абсолютно неопровержимая” логика в понимании нынешних чиновников. А ведь свидетелями защиты были самые разные люди, от безработного до депутата Госдумы, проживавшие в самых разных регионах России, от Ростова до Новосибирска. Но – “единомышленники”, и всё тут. Поди, опровергни!

Бывают, конечно, и приятные исключения. В том же Княжево молодой барыга-наркоторговец рассказывал мне, как старшие в его районе долго мучились с каким-то строптивым старлеем из наркоконтроля, который им всю торговлю поломал. “Тридцать тысяч баксов ему давали. Не берёт, гад! Пятьдесят тысяч! Не берёт!..”

* * *

В тюрьме нет ничего такого, чего не было бы в вольной жизни. Просто в силу весьма суровых и жёстких, порой откровенно жестоких условий существования там всё это содержится в сильно сконцентрированном, спрессованном виде. Основные характеристические черты нашей жизни становятся там особенно заметными, особенно выпуклыми и рельефными. И потому, например, полный мировоззренческий и политический крах блудливой российской “демократии” там особенно очевиден.

Когда я сидел, меня не покидала мысль, что наших гламурных демократов, голубоватых правозащитников и всех остальных креативных либерастов хорошо бы отправить – в качестве экстремального туризма, что ли, – на полгодика на зону: жизнь реальную почувствовать, ума-разума набраться. Мало-

вато, конечно, полгода... Ну, да больше нельзя: у них ведь тонкая душевная организация, она может не выдержать встречи с грубой реальностью...

Причём отправить не в наказание, а с педагогической, так сказать, целью. Пусть ознакомятся с жизнью, такой, как она есть. Встретятся с новыми людьми, посмотрят на настоящую, неприкрашенную Россию с этой стороны, с этой точки зрения. Полезнейший опыт могут получить, просто бесценный...

Только, боюсь, они очень огорчатся. Потому что общие настроения в тюрьме — как эзков, так и сотрудников тюремной администрации — резко националистические. Никакой, знаете ли, толерантности не наблюдается. Похоже, в реальной жизни — там, за границами московской кольцевой, — эти курчавые *толерасты* так всех достали, что дай им Бог ноги унести...

Наша власть — не знаю уж, понимают это в Кремле или нет — ходит сейчас по тонкому льду, по тонкой корочке, под которой клокочет огненная лава **беспощадного русского бунта**. И если эта ярость выплеснется наружу — мало никому не покажется.

Дай Бог, чтобы власть нашла в себе силы для радикального обновления. Для примирения с собственным народом. Нашла политические механизмы, с помощью которых эту бурлящую, огненную энергию русского национализма можно направить на исправление чудовищных несправедливостей и преступлений, содеянных либеральными людоедами и русофобами. На созидание новой Великой России. На мирную, но решительную и беспощадную *Русскую революцию* во всех областях нашей жизни — политической, идеологической, культурной...

* * *

Русский национализм присутствует на зоне очень активно. Впрочем, — нет, не так. Не активно — активничать там никому не дадут! — но неистребимо, неизбежно и повсеместно. Во-первых, потому что в тюрьме отчётливо видно, что процент нерусских эзков, особенно осуждённых по определённым видам преступлений, — например, связанных с “посягательством на половую неприкосновенность”, то есть растлением малолетних, изнасилованием и т. д., — гораздо выше, чем процент этих людей на воле. То есть они совершают подобные постыдные преступления гораздо чаще русских. Это и статистика МВД подтверждает. Именно поэтому, кстати, русскоязычная *либеральная общественность* и *кавказолюбивые правозащитники* уже которой год, как с писаной торбой, носятся с идеей запретить журналистам упоминать в своих публикациях национальность преступников.

А во-вторых, есть ещё такой момент: профессия тюремщика непопулярна... Когда-то император Пётр I написал в одном из своих указов: “*Тюрьма есть ремесло окаянное, и до скорбного дела сего потребны люди добрые, твёрдые и весёлые*”. Но таких твёрдых и весёлых на Руси почему-то хронически не хватает. Русский человек как-то не очень хочет служить тюремщиком. Ну, а поскольку миллион эзков, которые у нас сидят по тюрьмам и лагерям, нужно всё же каким-то образом контролировать и охранять, во ФСИН берут чуть ли не любого желающего. Было бы гражданство да не было бы судимостей и родственников-уголовников. Поэтому на зонах, особенно среди низового звена сотрудников администрации исправительных учреждений, велик процент *цаменов*. Они приезжают в большие города, а работы нет, никто их там не ждёт. Ну, пытаются туда-сюда, и пристраиваются во ФСИН. На тех зонах, где я сидел, среди младших инспекторов, наверно, больше половины нерусских.

Иногда это приводит к весьма драматическим последствиям. Заехал, например, в 2011 году к нам на Борисову Гриву молодой эзк, некто Осман Османов. Бывший контрактник МЧС. Мальчишка — двадцать один год. По национальности даргинец, сидит по 335-й *военной* статье — “За неуставные отношения”: избивал сослуживцев-славян. Сто десять килограмм тренированного мяса при полном отсутствии мозгов. А на зоне один из *дэпманов* оказался его соплеменником, чуть ли не родственником. Ну, у Османчика от такой удачи крышу-то и снесло напрочь. Решил, что он тут теперь главный и будет рулить, как его левая пятка пожелает. Одного данью обложил, другого, третьего... Бил неугодных внаглую, прямо на построении, на глазах сотрудников администрации.

А надо сказать, что большая часть эсков-первоходов, молодых наркоманов, во внутренних тюремных разборках участвовать категорически не желает. Они готовы признать над собой любую власть, лишь бы их самих эти разборки не коснулись. *“Умри ты сегодня, а я – завтра”*, – вот их девиз.

Но нашлись на зоне два бывалых каторжанина – Иван Силютин и Михаил Кречин. У обоих лет по 12–15 отсиженных, по три-четыре ходки за плечами. Оба эти казаки, родились в бывших нацреспубликах СССР, один в Узбекистане, другой в Киргизии, и имеют солидный опыт межнационального общения с *“горячими джигитами”*. Вот они и попытались объяснить Османчику, что он не прав. Словами, по-хорошему. Но только один раз. А когда не получилось – недолго думая, нарезали на *промке* стальные прутья потолще и...

Я в тот момент сидел в штрафном изоляторе. *Хозяин* почему-то считал, что я – главная опасность для его авторитета на зоне, и поэтому выпускать меня из *шизняка*, судя по всему, вообще не собирался. И вот как-то вечером, уже после отбоя, а отбой там в девять, слышу: лязг, грохот, отпирают двери, решётки, ведут арестантов... Пополнение... И вдруг знакомый голос вопит: *“Константин Юрьевич, вы тут?”*. Я хриплю через дверь: *“Тут, Миша, а ты-то за что сюда?”*. И они с Иваном хором, радостно так: *“Да мы кой-кого поучили, порубили! Османчика и других...”*

Османчик этот чудом уцелел, уж больно здоров был. Но его всё равно бы опустили, просто времени не хватило, охрана прибежала. Я потом *балдёр*ов, которые еду в ШИЗО приносят, спрашивал: *“Как дела в бараке, мужики? Проблемы есть?”* Они говорят: *“Да что вы, какие теперь проблемы? Козлики наши такими вежливыми стали: не ругаются, не дерутся, копытцами не стучат, просто любо-дорого смотреть”*. Информация о *“массовой драке осуждённых”* впоследствии не без помощи моего адвоката появилась в новостях нескольких информагентств Северо-Запада. Так что начальству УФСИН во избежание скандала пришлось срочно *замять* дело. И послушный Османчик написал объяснение, что он споткнулся и упал с лестницы, да так неудачно ударился головой несколько раз, что пришлось наложить пять швов и вызывать *“скорую”*. Потом его от греха подальше этапировали из Борисовой Гривы в Форносово. Мишу Кречина спецэтапом вывезли в Княжево, а Силютин откинулся на волю *по звонку* через два месяца прямо из ШИЗО...

* * *

Впрочем, попадались мне и русские такие, что лучше иметь дело с десятью папуасами, чем с одним из них. Например, *хозяин* – начальник зоны в Борисовой Гриве, майор Александр Васильевич Корепин. Это он меня под *“Тайфун”* забросил, а потом шесть раз подряд в *шизняке* *марин*овал. У меня создалось ясное впечатление, что если бы он мог меня безнаказанно убить, он бы сделал это, не задумываясь. Помешала только широкая огласка, скандал, который разгорелся вокруг моего дела из-за вмешательства патриотической общественности, оппозиционных СМИ и коммунистических депутатов Госдумы и Питерского ЗАКСа.

К тому моменту, как мы с Корепиным встретились, я прожил на белом свете 51 год. Мне казалось, что у меня есть немалый жизненный опыт: я 10 лет на флоте отслужил, много разных начальников повидал, сам начальником побывал. Но таких, как он, я просто не встречал. Я думал, что они бывают только в кино или в книгах. У Достоевского, например...

Почему именно у Достоевского? Да потому, что он сам говорил: его персонажи *“в чистом виде”* в реальной жизни почти не встречаются. То есть Свидригайлова или Раскольников на улице не встретишь. И князя Мышкина, и Алёшу Карамазова – тоже. Потому что они – не реальные люди, а концентрированные характеры, созданные автором как живые иллюстрации идей.

Вот мне и казалось, что люди, подобные Корепину, – этикие опереточные злодеи, – в жизни не встречаются. Он ведь даже не скрывал, что получает настоящее, искреннее удовольствие от унижения других. Правда, водочки ещё любил выпить. Но по большому счёту, для таких, как он, ломать людей, заставлять их делать подлости, совершать предательства – необходимая внутренняя потребность, важная часть жизни. Делая подлецами других, они, таким образом, как бы оправдывают себя. Мол, все такие, чего ж стесняться?

Вся жизнь их сосредоточена в тюрьме, они полноценно живут, *расцветают* только там. Корепина с зоны было палкой не выгнать. Он там дневал и ночевал, приезжал в выходные, в праздничные дни. И это при том, что у него дома семья: жена, маленький ребёнок... Думаю, вне зоны он глубоко несчастный, неуверенный в себе, несостоявшийся человек. А на зоне этот неудачник — *гражданин начальник*, имеющий власть над судьбами и жизнями сотен людей. И на болезненном, гипертрофированном ощущении собственной важности, значимости, власти он — как наркоман *на игле*.

* * *

Один из главных инструментов “перевоспитания” упрямых арестантов — штрафной изолятор — *шизняк*. Что это такое? Внутренняя тюрьма. На каждой зоне есть своя внутренняя тюрьма. И режим там, конечно, будь здоров какой.

Я в *шизняк* первый раз попал на Металлострое, куда меня привезли спецэтапом, минуя пересылку, прямо из Княжево. В Княжево мы с местным батюшкой, отцом Леонидом, решили храм строить. То есть он-то решил это давно, но всё как-то не складывалось: то одно, то другое мешало. Оно и понятно: зона, где денег взять? Там был залит фундамент, а дальше никак не могли тронуться. Ну, а мы как-то это процесс раскатали, активизировали, и потихоньку деньги пошли, начали строить храм. Но это кому-то очень не понравилось: как это так: экстремист Душенов строит храм? Он что, в *авторитете*? Непорядок! И меня вывезли оттуда спецэтапом. По-воровски, чуть ли не тайно, воспользовавшись тем, что начальник учреждения, который поддерживал наше церковное строительство, был на больничном.

И перевезли в Металлострой. А на “Металлке” режим жёсткий. Там, если кто помнит, в 2007-м году был бунт. Последняя *чёрная* зона была в Ленобласти. Её *ломали* показательно, со спецназом, с приглашением тележурналистов. И чтобы закрепить победу, привезли для руководства зоной *группу товарищей* со стороны, из-под Томска, по-моему... Ну, они и навели *свой порядок*, постарались. Среди тех, кто на зону заезжал в 2008–2010 годах, ни одного целого не осталось. У кого перелом, у кого что... В общем, все битые. То есть воспитательный процесс пошёл активно. И до сих пор *Металлка* считается одной из самых диких, *беспредельных красных* зон на Северо-Западе.

Там существует такая практика (противозаконная, конечно): все поступающие осуждённые прямо с этапа *проходят через дальняк*. А это значит, что все они при свидетелях должны взять тряпку и помыться унитаз. Для тех, кто понимает, ничего объяснять не надо. А тому, кто не понимает, поясню, что по тюремным понятиям человек, который однажды вымыл унитаз или вообще занимался приборкой в отхожем месте, уже никогда ни на что претендовать не может. За это на *правильной* зоне могут и *опустить*, но в любом случае, такой зэк никогда больше не сможет претендовать на какой бы то ни было авторитет, не сможет стать центром самоорганизации осуждённых. Вот для того, чтобы не дать этой самоорганизации зэков возродиться, не дать им создать альтернативную, параллельную официальной внутренней структуру самоуправления, всех прямо с этапа, на входе, *пропускают через дальняк*.

Когда я туда заехал, мне тоже первым делом дали тряпку в руки и говорят: “*Давай, мой!*” Я говорю: “*Не буду*”. “*А мы тебя побьём!*”. Я говорю: “*Бейте*”. — “*А мы тебя в ШИЗО посадим!*” — “*Сажайте*”. — “*А мы тебя перережимим!*” — “*Воля ваша*”. Ну, и в результате... Там опера́ этим занимаются. И у них, видно, возникло какое-то сомнение: что это за странный *крендель* такой тут заехал и *борзееет* без меры... Ну, доложили начальнику учреждения, и меня привели к *хозяину*. Полковник Бубнов там в то время командовал. Кабинет у него — как футбольное поле... Он мне сказал: “*Ну, давай, рассказывай, кто ты есть*”. Я рассказал ему свою историю совершенно откровенно. И он, надо сказать, с пониманием к этому отнёсся. И даже, когда я рассказывал, был такой момент: он слушал меня, слушал, а потом в сторону отвернулся и сквозь зубы говорит вполголоса: “*Вот с-с-суки. Всё своё дерьмо норовят нашими руками месить...*”

Но тем не менее, в ШИЗО он меня-таки упаковал. Говорит: “*По-другому не могу. Как я тебя выведу на зону или на посёлок? У меня здесь сидит 1600 человек, все прошли через дальняк, а ты будешь один такой красивый*

и весёлый, белый и пушистый?” Ну, посадили меня в шизняк, и я там отсидел восемь дней. Видимо, в течение этой недели они собирали информацию про меня. Потом через неделю меня вывели... Зам по безопасности и оперативной работе, молодой такой кум, мне сказал: “Ну, что ж, мы вот тут собрали информацию про вас... Посмотрел я ваши фильмы... Человек вы, в общем, известный... Так что, ладно, что ж, выведем мы вас на посёлок”. И, в конце концов, меня из шизняка вывели.

А режим там, на “Металлке”, внутри ШИЗО не сахар. Отбой – в девять вечера, подъём – в пять утра. Правда, трехразовое питание. Но тут – как повезёт: может и тушёнка в каше попасться, а можешь и воду на воде получить...

Положена одна часовая прогулка, но меня, например, ни разу не вывели. Курить нельзя. В камере, после того как убирают нары (их к стенам на замок крепят, как в железнодорожном купе) нет даже табуреток, нет стола, ничего нет. Утром нары поднимают наверх – и всё, ты находишься в голом помещении, в котором только цементный пол, стены и потолок. И камера наблюдения. Есть ещё сваренные из металлических прутиков кубики, на которые нары опираются, когда их опускают... Так что, когда еду тебе через железный намордник дают – как хочешь, так и крутись. Можешь на пол миску поставить, можешь на весу кушать.

Отопление отключают с десяти утра до семи вечера. Но зато включают на полную громкость трансляцию и гоняют по ней запись, где какой-нибудь зэк гнусавым голосом читает ПВР – правила внутреннего распорядка. Десять раз подряд, двадцать, тридцать...

* * *

Отдельного упоминания стоит “Тайфун” – спецназ Федеральной службы исполнения наказаний. Человеку, который придумал этот спецназ для ФСИН, наши тюремщики должны золотой памятник поставить. Потому что если раньше, ещё в советские времена, для выбивания показаний и “поддержания авторитета администрации” существовали всякие полулегальные пресс-хаты, то есть пыточные камеры со специально обученными палачами-козлами, то теперь к этим старым инструментам добавился новый, абсолютно легальный, законный и официальный. Под названием “Тайфун”.

Если раньше на зоне разгорался бунт, то для его подавления можно было использовать только внутренние войска МВД. Но они же именно ВОЙСКА, обученные как боевые, военные подразделения. А потому их применение всегда приводило к стрельбе, жертвам, скандалам и, как следствие, – к расследованиям, комиссиям, увольнениям проштрафившихся начальников. И умные начальники старались на своих зонах до такой крайности дело не доводить, сдерживали чрезмерно ретивых подчинённых, боролись с беспределом, давали зэкам возможность кое-как дышать.

Появление “Тайфуна” всё изменило.

Эти ребята никакие не “войска”. Они прицельно заточены под решение тюремных проблем в пользу администрации. Это значит, что их задача – ломать зоны и любого чернохода, то есть осуждённого, отказывающегося сотрудничать с администрацией. Из общей массы зэков целенаправленно выдёргиваются люди, которые являются центрами внутренней тюремной самоорганизации заключённых. Авторитеты. И эти люди последовательно обрабатываются, то есть избиваются. От них требуют отказа от своей роли, желательно – письменно, публично, унижительно.

“Тайфун” свою службу знает хорошо. И бьёт качественно, с пониманием дела, с техническими усовершенствованиями. Вот, например, есть такие бойцовские перчаточки без пальцев. Они с накладками на фалангах. Эти накладочки в оригинале – такие пластинки пенопластовые, предназначенные для того, чтобы не слишком сильно руку ранить в случае удара. Их и спортсмены используют в спортзалах для тренировок – по грушам бить. А тайфунцы поверх пенопласта вставляют пластинки железные, свинцовые. И получается такая замечательная спецперчатка для разговора по душам.

Видит Бог, я это не придумал. Об этом мне рассказал полковник Сыркашов, который приехал из управления ФСИН, чтобы проверить сообщения

о моём избиении. Проверил и объявил: “Есть два варианта: либо ты сам на них напал, либо вообще ничего не было. Третьего варианта нет и быть не может. Должен понимать – система...” Я говорю: “Но вы-то знаете, как на самом деле всё было!” Он: “Знаю, ну, и что? Ты, брат, сам виноват. Зачем вставал, после того как они тебя на асфальт роняли? Три раза ведь вставал! Ты их пойми: они профессионалы, им же обидно”.

Я говорю: “Точно, профессионалы. Чтобы с руки одним ударом ребро сломать, это не каждый может”. Вот тут-то полковник и раскрыл мне секрет: “Да они, – говорит, – железяки в перчатки вставляют, сорванцы”. Я тогда его спросил: “Так ведь можно ненароком и убить, силу же трудно рассчитать?” А он мне: “Ну, да. И убивают. У них же мозгов нет. Мы ведь их не для научных дискуссий воспитываем...”

Полковник этот так откровенно со мной разговаривал потому, что он сам, по своим личным взглядам, был радикальным русским националистом. Но сразу честно предупредил: “Против системы идти нельзя. Смирись, подпиши бумагу, что ничего не было. А я в частном порядке с начальством твоим договарюсь, чтобы тебе тут создали условия”. Ну, я подумал-подумал... Подумал-подумал... И ещё подумал... И отказался.

* * *

Я слабый человек. И без помощи Божией сломался бы в момент. А таких моментов там... Как грязи. Вот, скажем, бьют тебя. Жестоко, смертно бьют. Это ещё не беда. Потому что бьют по здоровому телу. А вот деньков этак через пять... Когда все твои ушибы и переломы дозреют, заболят-заноют... И бить тебя будут уже по больным местам, к которым ты сам и прикоснулся – без крика не можешь... Тут-то и наступит для тебя момент истины. А истина эта такова, что если не Бог, то никто! Если Он не укрепит, не поддержит тебя, сдашь ты всех и вся за милую душу, ещё и просить будешь, чтобы дали побольше рассказать, поподробнее объяснить.

И я такой же, как все. Ни секунды не верю, что мог бы продержаться собственными силами. Да что я! Я и не сидел-то, по сути дела. Что такое два с половиной года? Так, присел на краешек. По-настоящему сидел тот, у кого за спиной десятка, пятнашка... Вот такой-то настоящий сиделец, Варлам Шаламов, оттянувший в своё время в сталинских лагерях за три ходки не год и не два, а полновесных шестнадцать лет и писавший потом свои пронзительные “Колымские рассказы” буквально кровью сердца, сказал как-то, что в тюрьме, на зоне, в лагере верить можно только “религиозникам”. То есть осуждённым по религиозным статьям, за веру. Потому что для них жизнь не кончается со смертью тела, и они готовы этим телом умереть, чтобы бессмертную свою душу уберечь от предательства, лжи и прочего паскудства, столь свойственного нашему изнеженному, изолгавшемуся, подлому времени.

Аминь.

(Продолжение следует)